

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

УДК 94(3)

Ю.В. КуликоваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Чувство юмора как отражение особенностей идентичности древних римлян

Актуальность исследования заключается в развитии тенденций новой исторической науки, основой которой является междисциплинарность. Изучение этнического юмора с применением историко-генетического метода и методов психологии позволяет выявить характерные черты идентичности определенного народа, их мировосприятия, сформировавшихся под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Целью данной работы является выявление характерных черт чувства юмора древних римлян для понимания особенностей их идентичности. Можно четко выделить виды и категории «смешного» и «несмешного» у древних римлян, проявляющиеся в политической сатире, в бытовом юморе, в солдатском юморе и даже в высказываниях римских императоров. Юмор римлян подчас весьма грубый, за гранью моральных норм, что отражает основные черты их характера: прагматизм, консерватизм и агрессивность. Изменения, происходившие в римском государстве в поздний период, весьма существенно влияли на юмор, указав границы дозволенного. И уже сатира сменяется панегириками, а христианское мировоззрение воспринимает смех проводником всех грехов.

© Куликова Ю.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: идентичность древних римлян, Древний Рим, повод для смеха, представление о смешном, бытовой юмор, римские традиции, политическая сатира, чувство юмора

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Чувство юмора как отражение особенностей идентичности древних римлян // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 82–100. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

Yu.V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Sense of humor as a reflection of the identity features of the Ancient romans

The relevance of the research lies in the development of trends in the new historical science, the basis of which is interdisciplinarity. Ethnic humour forms the stereotype of a particular people, so its study with the use of the historical and genetic method, methods of psychology, such as analysis and modelling, allows us to identify the characteristic features of the identity of the Romans, their perception of the world, formed under the influence of various external and internal factors. The purpose of this work is to identify the characteristic features of the sense of humour of the ancient Romans to understand the features of their national identity. Based on the results of the study, it becomes clear that it is possible to clearly distinguish the types and categories of “funny” and “unfunny” in the ancient Romans, manifested in political satire, at the everyday level, in soldiers’ humour, and even in the Roman emperors. The humour of the Romans is sometimes very coarse, on the verge of “good” and “evil”, which reflects the main features of their character: pragmatism, conservatism, and aggressiveness. The changes that took place in the state had a very significant impact on the sense of humour and drew the boundaries of what was allowed. And already satire is replaced by panegyrics, and the Christian worldview perceives laughter as a conductor of all sins.

Key words: identity of the ancient Romans, Ancient Rome, reason for laughter, idea of funny, everyday humour, Roman traditions, political satire, sense of humour

FOR CITATION: Kulikova Yu.V. Sense of humor as a reflection of the identity features of the Ancient romans. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 82–100. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

Смех является для человека особым проявлением эмоциональности, отражением чувства юмора, граней его восприятия [3; 6], подобно тому, как само чувство юмора позволяет увидеть пороки общества и окружающего мира. Исследователи считают, что через смех человек переживает сложные события, это способ справиться с очень сильными эмоциями, со своими страхами, поэтому порой проявление чувства юмора является ответом на вызов окружающей повседневности [3; 5–7]. Однако каждый человек и народ склонны видеть смешное в том, где другие этого смешного совсем не обнаруживают, более того, это может вызывать совсем иные чувства: непонимание, стыд, обиду, злость, неприятие, крайнее отвращение. Более того, смех тоже имеет разные грани: злой смех, добрая насмешка, вынужденный смех, нервный смех, смех сквозь слезы и даже истерический смех. Тем не менее, в эпоху античности понимание этого явления выражено словами Аристотеля: *Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное...* (Arist. Poet. 5, 1449a34)¹.

¹ Источники представлены по следующим изданиям: Amm. Marc. – Ammianus Marcellinus. *Res Gestae*. J.C. Rolfe (ed.). London, 1963; Arist. Poet. – Аристотель. *Поэтика* / пер. В.И. Захарова. Варшава, 1885; Aur. Vict. – Victor Sextus Aurelius. *Liber de Caesaribus*. F. Pichlmayr (Teubner). Leipzig, repr. 1970; Catull. – Catullus C. Valerius. URL: <https://thelatinlibrary.com/catullus.shtml> (дата обращения: 12.12.2023); CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936; Clem Alex. Paed. – Климент Александрийский. *Педагог* / пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1890; Eutr. – Eutropius. *Breviarium ab Urbe condita*. F. Rühl (ed.). Lipsia, 1901; Gell. – Авл Геллий. *Аттические ночи*. М., 2008; Diogen. – Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова. М., 1986; Herodian. – Геродиан. *История императорской власти после Марка* / пер. А.И. Доватура и др. М., 1996; Hor. – Horatius Q. Flaccus. *Sermones. Carmina. Epistulae*. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/horace.shtml> (дата обращения: 20.03.2022); Joh. Chrys. – Святой Иоанн Златоуст: *полн. собр. соч. в 12 т.* М., 2017; Juv. – Juvenalis Decimus Iunius. *Saturnae*. URL: <https://thelatinlibrary.com/juvenal.html> (дата обращения: 12.12.2023); Marcial. – Marcialis M. Valerius. *Epigrammaton libri*. URL: <https://thelatinlibrary.com/martial.html> (дата обращения: 12.12.2023); Petr. – Петроний. *Сатириконт* / пер. под ред. Б.И. Ярхо. М., 1924; Sen. – Seneca L. Anneus Minor. *De ira. Epistulae. Quaestiones Naturales. Dialogi*. URL: <https://thelatinlibrary.com/sen.html> (дата обращения: 01.10.2023); RE – Roman epitaphs. URL: <http://thelatinlibrary.com/epitaphs.html> (дата обращения: 22.11.2023); SHA – *Scriptores Historiae Augustae*. P. Magie (ed.). London, 1954; Suet. – Suetonius G. Tranquillus. *De vitis caesarum*. URL: <https://thelatinlibrary.com/suet.html> (дата обращения: 22.02.2024).

Юмор и смех были неотъемлемой частью жизни римлян, недаром жанр сатиры развивается и становится популярным именно у них. Римляне смеялись над собой при жизни и даже в надгробных эпитафиях после смерти, что четко выражает вопрос Горация: *Risum teneatis, amici?* (Удержитесь ли вы от смеха, друзья?) (Ног. Ars., 5), хотя порой смех римлян кажется нам весьма недобрый и язвительным. По их мнению, смех уместен практически в любой ситуации, но слишком часто все же смеяться, по мнению римлян, не стоило, как и веселиться без повода: *Risu inepto res ineptior nulla est* (Нет ничего глупее бессмысленного смеха) (Catull., XXXIX. 6). Почему же римляне так относились к смеху? Психологи утверждают, что смех – это реакция организма на стресс, сложные ситуации, недаром в особо тяжелых ситуациях человек порой впадает в истерический смех. Поэтому вероятно, что римляне выработали в себе некий ментальный механизм, позволяющий сохранять спокойствие, присутствие духа и рассудительность в сложные моменты жизни.

Для римлян юмор был всегда на грани: на грани смешного и грустного, порой даже печального, на грани лести и оскорбления, на грани этических принципов. То, что для римлян вполне допустимо было высмеивать, для современного общества, воспитанного на принципах гуманизма, христианской этики, совершенно неприемлемо. Так, в одной надписи насмешливо констатируется, что, когда ритор покупает себе раба, он делает из него человека, указывая, что это понятие можно отнести только к грамотным, ученым людям (CIL, IV, 1899).

Так неужели современные и римские представления о смешном настолько отличаются? Прежде всего, необходимо понимать, что римский юмор берет свое начало в мировоззрении, их собственном прагматическом отношении к жизни, в римской религии. Религиозные воззрения, особые традиции празднеств и, в частности, Сатурналий – государственного праздника, установленного еще шестым царем Рима Сервием Туллеем, стали сосредоточением юмора, пределы которого ограничивались только осознанием того, что праздник закончится, и слуги вновь станут прислуживать, а хозяева обретут полную власть и возможность наказывать за слишком дерзкие шутки. Однако, анализируя произведения античных авторов, мы сталкиваемся с одной порой неосознанной проблемой: а являлось ли в действительности смешным то, что современный исследователь оценивает как юмористические строки? Наша действительность разительным образом отличается от римской, наше воспитание, менталитет воспринимает порой сведения совершенно не так, как это понял бы римлянин. Порой высказывания и фразы могут быть лишь отражением горькой усмешки, печалью, скрытой ею, отражением озлобления, как это отмечено в произведениях Ювенала,

и поэтому его сатиры порой нарочито выпячивают пороки общества, делая их гипертрофированными. Немаловажным аспектом становится положение человека и его возраст. Богатые презрительно относились к бедным, отсюда и встречающиеся в надписях насмешки над теми, кто ищет или ждет чего-то бесплатного, дарового (CIL, IV, 9839b; 101526b). Интересны в этом плане надписи, в которых авторы указывают, что тот, кто пригласит его на обед – хороший, а все, кто не приглашает на обед, – варвары (CIL, IV, 1937; 1880). Точно так же молодые подсмеивались над старыми, хотя эти насмешки не были язвительными и злыми, скорее, осознание того, что и они будут такими же, поэтому этот смех относился к самому себе в будущем (CIL, XI, 841). Даже в сатирах Ювенала прослеживается уважение:

*Полуослепший отец среди сажу руды раскаленной
К ритору сына учиться послал – от клещей и от угля,
От наковальни дляковки мечей и от копоты черной.*

(Juv., 4, 10)

Анализируя письменные источники, мы в большей мере ориентируемся на общепринятые нормы морали, усредненное понятие этики, но исследователь всегда в этом отношении будет субъективен. Так, читая любовные надписи древних римлян, именно их эмоции вызывают у современных людей улыбку. Для них самих неразделенная любовь была страданием, но для нас эти любовные перипетии – отражение взаимоотношений и схожих с нашими эмоций (например, *Sarra, non belle facis solum me relinquis debilis* (Сарра, ты плохо делаешь, что оставляешь меня) (CIL, IV, 1951); или угрозы богине любви: *Quisquis amat veniat volo frangere costas fustibus et lumbos debilitare deae si potest illa mihi tenerum pertundere peatus quit ego non possum caput illae frangere fuste* (Пусть каждый влюбленный придет посмотреть. Я хочу дубинкой сломать Венере ребра и искалечить чресла ее. Если уж она смогла пробить мою слабую грудь, почему же я не могу (в ответ) разбить ей голову дубинкой) (CIL, IV, 1824; 1898; 2146; 6842).

Следует различать юмор бытовой от политической сатиры. Как отмечают ученые, последняя стала развиваться в Риме вместе с произведениями Луцилия и Горация [2, с. 9–10; 9, с. 69]. После нее появляются сатирические произведения с морально-дидактическими рассуждениями [2, с. 11], в которых высмеивались взаимоотношения и поведение римлян, и лишь следующим этапом стала те самые сатуры, которыми прославились Ювенал, Петроний и Марциал.

Смех подчас может скрывать под собой очень много чувств, совершенно противоположных смешному, и, в то же время, можно радоваться

«про себя», скрывая радость за другими эмоциями, как указал Публий Сир, *Heredis fletus sub persona risus est* (Плач наследника – замаскированный смех) (Gell., XVII, 14). Чувство юмора римлян проявляется в надписях, сделанных как бы от лица вещи: дома, предмета быта (CIL, I, 499; IV, 4429), но еще интересно отражение чувства юмора римлян в их юмористически-сочувственном обращении к этим же предметам (например, к стене, которой неизвестный автор надписи выразил сочувствие в том, что на ней пишут все подряд: *Admiror te paries non c(e) cidisse ruinis qui tot scriptorum taedia sustineas* (Удивляюсь тебе, стена, что ты до сих пор не превратилась в пыль от отвращения к тем мерзостям, что написаны на тебе) (CIL, IV, 2487).

Римляне чаще смеялись над глупостью и глупыми поступками, над поведением людей, оказавшихся в различных ситуациях, где собеседник порой совсем не обладает чувством юмора, такта и знаниями. Так, в сборнике на греческом языке «Φιλόγελος» приводятся такие ситуации: «Педант, желая посмотреть, пристойно ли он выглядит, когда спит, поставил перед собой зеркало и закрыл глаза»; «Некто, повстречав Педанта, сказал ему: “Раб, которого ты мне продал, умер”; “Клянись богами, – ответил Педант, – пока он был у меня, он никогда так не делал”»². А в третьей ситуации Педант продемонстрировал неграмотность, при этом совершенно искренне желая подбодрить атлета, который проиграл на состязаниях в Риме в честь тысячелетия основания города, празднование которого приходится на время правления императора Филиппа Араба (SHA, XX, 33; Aur. Vict., XXVIII; Eutr., IX, 3). Педант, утешая плачущего атлета, сказал ему: «Не горюй, на следующих тысячелетних играх ты наверняка победишь»³.

На римское понимание смешного, над чем можно и даже нужно смеяться, оказывало достаточно сильное влияние распространенное в Риме философское воззрение стоицизма. Как советовал Сенека: «Нужно, чтобы пороки толпы казались нам не ненавистными, но смешными; будем лучше подражать Демокриту, чем Гераклиту. Ведь один плакал, когда выходил к толпе, другой – смеялся; все, что мы делаем, казалось одному несчастьем, а другому – нелепостью. Нужно переносить все с легкой душой; человечнее осмеивать жизнь, чем оплакивать. Пусть каждый исследует отдельные причины, по которым мы веселы или печальны, и он признает, что все занятия людей подобны комедиям, и жизнь их не более почтенна или серьезна, чем черновые наброски.

² Φιλόγελος, ἐκ τῶν Ἱεροκλέους καὶ Φιλαργίου Γραμματικῶν. https://www.hs-augsburg.de/~harsch/graeca/Chronologia/S_post05/Philogelos/phg (дата обращения: 15.02.2024).

³ Там же.

Но лучше воспринимать общественные нравы и человеческие пороки спокойно, не раздражаясь ни смехом, ни слезами. Ведь мучиться чужими несчастьями – вечная мука, а наслаждаться ими – бесчеловечное наслаждение» (Sen., De Const., 15, 17; Ep., 63. 2).

Удивительно актуально звучат в современном мире слова римского философа, который осуждает людей, отгачивающих свое остроумие в порицании других: «Что за безумие, что за враждебная богам и людям страсть бесчестить добродетели и оскорблять злыми речами святых... Если вы хотите упражнять эту отвратительную свободу речи (*taetram istam licentiam*), нападайте друг на друга: ведь когда вы безумствуете против неба, вы, не говорю, кощунствуете, но даром тратите труд» (Sen., De Vit., 27). Характерно, что Сенека порицает свободу речи – *παρρησία*, которую так превозносили киники; они считали откровенную насмешку орудием исправления человеческого рода, уподобляя себя врачам, дающим больным горькое, но целительное лекарство [8, с. 239–248].

Становление новой системы управления в Риме сопровождалось изменениями во всех направлениях, затрагивая все стороны жизни, включая личные взаимоотношения. Люди всегда по-разному реагируют на изменения, происходящие вокруг и, тем более, касающиеся непосредственно личности самого человека. Наверное, по этой причине активно развивается сатирическое направление литературы в первое столетие, пока закон об оскорблении величия римского народа только набирал судебную практику. В немалой степени постепенное изменение в публичных высказываниях и трудах, приведшее к практическому исчезновению жанра сатиры, стало, с одной стороны, следствием ужесточения санкций со стороны императора, а с другой – изменения образа государственного лидера в восприятии римлян. Не нужно думать, что ослабление римской религии приводило к фактическому ее забвению, наоборот, сакрализация личности императора сакрализовала, в свою очередь, и наказания за оскорбление императора и его семьи. Наказание грозило не только самому виновнику⁴, но и его семье, его детям, и с течением времени меры наказания становятся все более суровыми. Как отмечает Геродиан, *свобода радуется не столь сильно, как угнетает рабство* (Herodian., II, 8).

⁴ Наблюдается дальнейшая тенденция к ужесточению санкций и методов расследования дел об оскорблении величия. По крайней мере, начиная с III в. наказанием здесь служит только смертная казнь, причем с IV в. лишь за одно намерение совершить преступление. И даже смерть обвиненного в оскорблении величия не освобождала его от ответственности. На рубеже II–III вв. нормой закона становится и применение пыток ко всем сословиям. Более суровые меры с IV в. применяются и в отношении детей, осужденных за оскорбление величия [10].

В произведении Петрония развращенность общества продемонстрирована во всей ее ужасающей обыденности. Именно поэтому смех у Петрония – это бытовой, обыденный смех, где в одной плоскости лежит смешное, связанное с едой, шутками на пиру, во время обычных ситуаций на улице и в таверне [9, с. 69], при этом в эту обыденность попадают и развратные действия, переходящие в извращения, жизнь и смерть: Хрисипп умер от смеха, есть ли более лучшая смерть⁵. *Все вещи вызывают или смех, или плач, а раз так, то для мужчины свойственной смеяться над жизнью, чем оплакивать ее*, утверждают стоики вместе с Сенекой, и о том, что не нужно впадать в уныние ни при каких обстоятельствах: *Насколько достойнее смеха то, из-за чего мы то и дело льем слезы!* (Sen. De ira, III, 33), поэтому даже стыд является поводом для насмешек (CIL, IV, 6626). При этом римляне охотно могли пошутить над именем человека, над его прозвищем, понимая, что оно не всегда отражает характер и жизнь его носителя, как, например, в надписи *Sulla Felix Infelix; Sulla Infelix Felix*⁶.

Здесь уместно поднять вопрос о том, как реагировали римляне на шутки? Сенека в своих трактатах и письмах часто пишет о том, что шутки порой могут очень сильно оскорбить, задеть, обидеть, вызвать в ответ ненависть, ведь они тоже бывают разными и произносятся в различных ситуациях, иногда необдуманно или пьяными собеседниками, поэтому он советует: *Заранее приучи свою душу к мысли, что тебе много чего придется терпеть* (Sen. De ira, 35–38).

Неестественность и все, что неестественно по природе, является предметом насмешек и язвительных замечаний. Например, когда старик молодится и пытается вскочить в седло, но у него не получается и он, кряхтя, с трудом заносит ногу в стремя: *Всему и во всем есть мера, всему есть свое время* (Sen. Ep., 26), – замечает философ. Отсюда и презрительное отношение к евнухам, ведь это противоречило самой природе, особенно когда вошедшие в жизнь Рима евнухи неожиданно стали занимать места, им не свойственные: *Трудно сатир не писать, когда женится евнух раскишишь* (Juv., I, 23, 310). Но не менее презрительно и отношение к жрецам Кибелы, которые сами оскоплялись (Juv., 1, 6, 510; Marcial., II, 91). Все, что противоречит самой природе,

⁵ Увидев, как осел сожрал его смоквы, он крикнул старухе, что теперь надо дать ослу чисто вина промыть глотку, закатился смехом и испустил дух (Diogen, 7).

⁶ Игра слов «счастливый/несчастливый» от прозвища Суллы – Счастливый. Сулла, достигнув успехов в своей карьере, на самом пике уступил своему противнику Марию, а когда уже достиг, казалось бы, всего, получив неограниченные полномочия вечного диктатора, то тяжело заболел, вынужден был сложить полномочия и удалиться в имение, чтобы в мучениях умереть (CIL, IV, 9099–9100).

а особенно оскопление, Ювенал называет мерзостью Кибелы, принесенное с Востока, поскольку оно извращает всю природу человека. Евнухи высмеиваются еще в комедии Теренция с одноименным названием, презрение к евнухам звучит и в произведении Аммиана Марцелина (Амм. Марс., XVI, 5, 7; 5, 12; 7, 5; XVIII, 4, 4–5; XX, 8, 15).

Нравы меняются достаточно стремительно, женщины более активно занимают позиции в обществе, даже те, которые ранее и представить себе невозможно: они выходят на арену в роли гладиаторов, отважно сражаясь с оружием в руках (*Мевия тускского вепря разит и копьем потрясает, / Грудь обнажив* (Juv. I, 23–24)). И смех уже смешивается с ужасом и негодованием от происходящего, когда *богатыми стали те, кто ранее был рабом, заняв свое место в Риме и чувствуя свое превосходство* (Juv. I, 24–29), – язвительно замечает Ювенал, а женщины приравниваются по статусу к мужчинам, получая титул *светлейшей* и создавая собственный сенат (Herod., V. 6, 2; SHA. Elag. IV, 2).

Достоинством высмеивания считаются те, кто пытается равнять себя с известными людьми, достигшими в жизни определенных успехов, стремясь к любой славе (как это близко современному обществу!), и, помимо этого, еще и выпячивая свою спесь, что, впрочем, вполне понятно и нам, когда вместо вежливости и уважительного отношения пытаются равняться, кто достиг авторитета годами трудов, тогда как «новичкам» следует учиться у таких людей. *Школу прошли! Когда столько писак расплодилось повсюду...* (Juv. I, 17). Невежи пытаются обрести быструю славу на литературном поприще. Марциал указывает на тех, кто стремится к легкой славе:

*Не думай, скряга жадный, вор моих книжек,
Что стать поэтом так же дешево стоит,
Как переписка жалкого тебе тома.*

(Marcial., I, 66)

Одну из причин появления таких псевдописателей античные авторы видят в происходящих и совершенно невыносимых изменениях в жизни общества: *Как тут не писать?* (Juv. I, 30). Подобно тому, как сейчас можно обрести подобную славу блогерством, впору воскликнуть: «Как тут не блогерствовать!». Ведь Ювенал справедливо подмечает: *Что такое бесчестье – при деньгах-то?* (Juv. I, 48).

За смехом можно спрятать свои истинные чувства, и именно смех, как известно, помогает переживать наиболее трудные моменты собственной жизни: *Душа веселится, когда видит и наслаждается прекрасным* (Sen. Ep., 59). Чувство прекрасного у римлян было развито под влиянием греческой культуры, но при этом для них близким и понятным

являлись воинская доблесть, храбрость, поэтому гладиаторы, получившие в честных поединках травмы, пользовались уважением, которое кардинальным образом отличалось от греческого восхваления физического совершенства:

*Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гуацинтом.*
(CIL, I, 1861)

В повседневной жизни римлян многое становилось предметом для шуток, а сами шутки звучали на улице, на пиру, в общении, как указывает Ювенал:

*Над кривоногим смеется прямой, и над неграми – белый;
щетина твоя на руках и косматые члены,
Разве можно назвать родовитым того, кто не стбит
Рода и только с собой несет знаменитое имя?
Правда, и карлика мы иногда называем Атлантом,
Лебедем негра зовем, хромую девчонку – Европой.*
(Juv., I, 2, 11, 23; III, 8, 30–33)

Именно это демонстрировали мимы во время различных игр, заставляя смеяться над кривобокостью и неуклюжестью хромого, горбатого, над женоподобностью и угодливостью евнуха, о чем свидетельствуют зачастую надгробные эпитафии, посвященные мимам (CIL, I, 1861). С юмором могли быть сделаны различные мозаичные изображения, которые римляне создавали в общественных зданиях и частных домах (мышь, огрызки и мусор, и даже, думается, эффектные мозаичные изображения перекручивающихся спиралей, объемных геометрических форм⁷, которые могли поставить в сложное положение некоторых людей с нестабильным вестибулярным аппаратом). Видимо, шутки порой носили весьма продуманный психологический характер и были направлены на то, чтобы человек неожиданно оказался за рамками привычной «зоны комфорта». В этой связи только обладающий чувством юмора может достойно выйти из сложившейся ситуации и при этом еще и посмеяться над собой (Sen., De Const., 17). Обида на шутки скрывалась римлянами, ведь даже эта, казалось бы, такая характерная для человека реакция мгновенно подмечалась недоброжелателями

⁷ Обратим внимание на сложную мозаику на полу Исаакиевского собора в Петербурге, сделанной по образцу древнеримской и имеющей такой же эффект.

и недругами, как это было в случае с Юлием Цезарем, который начал рано лысеть и постоянные шутки над этой особенностью его сильно обижали (Suet. Jul., 49, 4).

Находилось и то, что не являлось предметом для насмешек или шуток. Так, по отношению к врачу, который либо несерьезно относится к делу, либо пытается отвлечь пациента: *Ты шутишь, а больным, поверь мне, страшно... Ты шутишь и не слышишь: Помогите!* (Sen. Ep., 48). Однако смерть все же была тем, над чем готовы были смеяться римляне, даже если это твоя собственная смерть. Знаменитое высказывание императора Августа ярко демонстрирует этот факт. По легенде, умирая, он произнес: «Как вам кажется, хорошо ли я сыграл комедию своей жизни?». В произведении Сенеки осмеивается смерть императора Клавдия и его апофеоз. Римляне понимали, что ты приходишь в этот мир по воле богов, тебе неведом их замысел, но *nudus natur(a) fueras a matre creatus, nudus eris, obitis gratia nulla datur* (обнаженным родился от матери ты, нищим ты жил и погиб, не принеся никакой радости) (RE, B1494), поэтому жить нужно ярко, смеяться над собой и своими друзьями, есть и пить, наслаждаться каждым мгновением (RE, B243, 1404, 1500), ведь даже прекрасные цветы на могиле, которыми стала умершая, должны дарить радость, напоминать о жизни (RE, B52, 53), что вполне укладывается в одну фразу эпитафии *Es, bibe, lude, veni* (Живи, пей, играй, уйди (т.е. умри)) (RE, B1500).

Важно понимать, что насмешки римлян могли быть добрыми, а могли быть жестокими, но это именно сатира, где грань между черным и белым не существует. Так, Марциал насмехается:

*Помнится, Элия, мне, у тебя было зуба четыре:
Кашель один выбил два, кашель другой — уже два.
Можешь спокойно теперь ты кашлять хоть целыми днями:
Третьему кашлю совсем нечего делать с тобой.*

(Marcial., I, 19, 1–4)

Или с язвительностью отметить мнимую привязанность к жене:

*Любит, по правде сказать, не жену он, а только наружность.
Стоит морщинкам пойти и коже сухой едва завянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки да вон убирайся!».*

(Juv., II, 6, 141–149)

Жестокие едкие насмешки могли относиться как к физическим недостаткам (как язвительно замечает Марциал, он не станет целовать возлюбленную, если она станет лысой или кривой (Marcial., II, 33)), так и нравственному облику человека, которые эти физические

недостатки лишь усугубляли, например, обжорство (*Скрытый какой-то порок в животе твоём, видно, таится* (Marcial., II, 77, 82)), пьянство, разнузданность, попытки скрывать эти недостатки, при том, что окружающим все известно и понятно. Так, Ювенал саркастически замечает в отношении горьких пьяниц: *Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая печень*, ему вторит и Гораций (Juv., I, 45; Hor., Sat., I, 9, 66). У античных авторов постоянным язвительным оценкам подвергаются и невоздержанные в сексуальной жизни (Hor., Sat., I, 87–88; 96; 106), именно такие, по их мнению, достойны порицания и презрения (*Мы же, погрязшие в вине и разврате... мы учимся и учим только разврату* (Петр., 89)), как и легкомысленное отношение к институту брака:

*Тридцати-то еще не минуло полностью суток,
А Телесина пошла замуж в десятый уж раз.
Замуж идти столько раз не брак, а блуд по закону...*
(Marcial., VI, 7)

Вообще для политических оппонентов в эпоху Республики подобные обвинения и насмешки, которые становились достоянием общественности, позволяли создавать негативный образ противника. Так было и в отношении Юлия Цезаря⁸, подобный механизм использовался и в эпоху Империи.

Например, большое презрение в римском обществе вызывали доносчики. Для Ювенала это одно из самых гнусных занятий:

*Встретив юриста Матона на новой лектике⁹, что тушей
Всю заполняет своей, позади же – доносчик на друга
Близкого, быстро хватающий все, что осталось от крахов;*
(Juv., I, 33–34)

*Вот появился и толстый Матон с его медленным брюхом;
Вот и Криспин¹⁰, с утра источающий запах бальзама,
Будто воняет от двух мертвецов.*

(Juv., IV, 107–109)

⁸ Стихи Катутла достаточно грубо характеризуют Цезаря (Catull; L; XXIX; Suet. Jul., 49, 1).

⁹ Лектика – древнегреческие носилки, которые изначально использовались для женщин или для больных, затем ими стали пользоваться богатые люди, символ особой роскоши. Римляне охотно переняли их, но если человек не болен, то передвижение на лектике воспринималось как признак изнеженности и стремления продемонстрировать свое богатство. Лектика могла быть инкрустирована, иметь занавеси, даже застекленные окна, а также различные украшения по вкусу своего хозяина.

¹⁰ Доносчик эпохи Домициана.

Термы, которые в эпоху Империи стали возводиться в значительном количестве, являлись важной составляющей жизни римлян. Термы посещали и рабы, и солдаты, для малоимущих снижали стоимость. Насмешкам подвергалась нечистоплотность (*Ты умрешь, Оппиан, мытья не познав...* (Marcial., VI, 42)) или неухоженность тела:

*Только, где покупаешь
Этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой
Шеи?*

(Juv., I, 2, 23)

Античные авторы подчас смеются над попытками приукрасить себя либо над теми, кто не замечает явных недостатков в самом себе. Так, Марциал пишет:

*Ты не красotka,
Максимины, а все твои три зуба
Цвета черной смолы или самшита,*

и советует ей с ехидством: *поплачь, коль умна, поплачь, красotka* (Marcial., II, 41). Насмешки касаются не только женщин, но и мужчин: *Пряди поддельных волос ты, Феб, под помадою прячешь / И закрываешь ты плешь краскою цвета волос* (Marcial., VI, 57). Но это насмешка над глупостью, а не над физическими недостатками.

Безусловно, римляне использовали все возможные ресурсы, чтобы исправить недостатки внешности или скрыть их. Это тоже не являлось естественным и было предметом для шуток:

*Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
Или подшибленный глаз, что, по мнению врача, безнадежен.*

(Juv., V, 10–16)

В Риме были распространены различные косметические процедуры, например, удаление бородавок, выщипывание и удаление волос с тела, использовались косметические средства, скрывавшие неровности или недостатки лица, краски для волос, а также парики, вставные зубы и т.п. Насмешки авторов над искусственной красотой словно соревнуются между собой, с язвительностью откровенно смеясь над существовавшей модой использовать белила (Hog. Sat., I, 2; Marcial., I, 72), менять парики и использовать излишне много косметики, так что красота превращалась в уродство:

*Хоть сидишь ты дома, но тебя наряжают в Субуре,
Косы пропавшие там, Галла, готовят тебе,
На ночь ты зубы свои вместе с шелками снимаешь
И отправляешься спать в сотне коробочек ты:
Лицо твое вместе с тобой спать не ложится, и только
Поданной утром тебе бровью и можешь мигать.*

(Marcial., IX, 37)

Однако юмор римлян проявлялся не только в высказываниях, письмах, произведениях, но, как было сказано выше, в изображениях (мозаика, фрески), предметах быта (лампы, дверные ручки) и даже, видимо, в надписях на стенах городов в виде резких оскорблений и скабрёзных шуток.

Вместе с глупостью римлянами высмеивалась ложь, которая проявлялась во всем, но страшнее всего – в готовности угождать и льстить, что римляне считали свойством выходцев с Востока, но не их самих:

*Тот же народ, умеющий льстить, наверно, похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя друга
Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
Хоть Геркулеса.*

(Juv., I, 3, 86–89)

Развлечения римлян были тоже своеобразными. Так, весьма известной была карлица Прокула (Juv., III, 204), но при этом шутами, презренными при дворе императора, были вполне здоровые, но весьма неприятные сами по себе личности (Ног., I, 5; Juv., V, 3–4).

Даже самые оскорбительные стихи порой были необходимы, чтобы напомнить о человеческой сущности, не давая возобладать гордости и зазнайству, напомнить, что важнее собственной славы – величие Рима, подобно тому, как во время триумфов солдаты имели право петь самые оскорбительные песенки о своем полководце (Suet. Jul., 49, 4), а ему самому раб постоянно шептал: «Помни, что ты всего лишь человек!».

Конечно, нельзя отрицать отсутствие неприятия к некоторым императорам, более того, в эпоху Ранней Империи сложно воспринималось стремление императоров к единоличной власти и связанные с этим все новые и новые традиции. Как язвительно указывает Марциал, не может не раздражать традиция приветствовать императора и *Как попугай кричать «Здравствуй, Цезарь!»* (Marcial., XIV, 73). С учетом действия закона об оскорблении величия римского народа, распространенного на личность и семью императора, оскорбление которых теперь ставилось в разряд государственных преступлений, любые эпиграммы

и насмешки над властью карались, для чего был задействован значительный штат доносчиков.

В то же время сами императоры обладали чувством юмора, например, можно вспомнить знаменитое высказывание императора Веспасиана после введения платы за посещение общественных туалетов: *Деньги не пахнут* (Suet. Vesp., 23). А над императором Марком Аврелием подсмеивались как по поводу его времяпрепровождения во время цирковых представлений, так и по поводу того, что уже в почтенном возрасте он все еще ходил на занятия к знаменитому ритору (SHA, IV, 15). Известный эллинофил император Адриан с выдержкой оценил эпиграмму на себя Флора:

*Цезарем быть не желаю:
по британцам всяким шататься,
(по германцам) укрываться,
от снегов страдая скифских,*

ответив аналогичным стихом:

*Флором быть не желаю:
По трактирам всяким шататься
По харчевням укрываться,
от клопов страдая круглых.*

(SHA, I, 16)

Один из «хороших»¹¹ императоров Антонин Пий также обладал весьма тонким чувством юмора, если исходить из сведений, предоставляемых его биографом (SHA, III, 10).

Однако усиление единоличной власти императора порой способствовало тому, что шутки превращались в откровенные издевательства, когда объект этой шутки не мог достойно ответить императору, не рискуя собственной жизнью, как это было в правление императора Элагабала (SHA, XVII). Большинство императоров обладали либо уязвленным самолюбием, либо не обладали сильно развитым чувством юмора, порой шутка могла стать роковой для шутника, недаром античные авторы часто подчеркивают в характере императора, что он не был жестоким или не был злопамятным.

Наступление беспокойного третьего века также, как можно предположить, многое изменило в восприятии смешного. Милитаризация

¹¹ Эпоха Ранней империи известна также правлением «хороших» и «плохих» императоров, по мнению античных авторов. «Хорошие» императоры особо почитались следующими властителями Рима, создавая мифологию идеального правителя, каким был Антонин Пий [4].

общества способствовала, как отмечают античные авторы, распространению грубых нравов и, соответственно, солдатского юмора. Из этой же среды выходили и императоры этого периода, поэтому о греческой утонченности речь уже не идет. В этот период порой шутка соседствовала с грубостью. Хотя, например, знаменитая шутка императора Галлиена над одним осужденным мошенником демонстрирует прекрасное чувство юмора¹².

Тем не менее, императорская власть должна была восприниматься как нечто незыблемое и неприкосновенное: «Никто не может быть невиновным без его воли» (Амм. Марс., XXVIII, 38). Императоры подчеркивали свою власть и волю, как это было в случае с императором Галлиеном, который сыграл шутку с приговоренным к смерти торговцем-обманщиком и вместо грозного льва выпустил на арену с провинившимся цыпленка.

В IV в. Римское государство опутала система заговоров, доносов и, по выражению Аммиана Марцеллина, «никому неизвестные люди были посланы, чтобы собирать слухи», «стали бояться даже стен», так что, когда муж говорил своей жене что-либо во внутренних покоях на ухо, то на следующий день об этом уже было известно (Амм. Марс., XIV, 1, 6–7). И сатиры сменили панегирики, восхваляющие происхождение и достоинства императора, его победы и деяния.

Что касается христианства, то Отцы Церкви в своих трудах обращаются к злободневности, но при этом в раннюю эпоху апологеты не имели четкого мнения по поводу смеха, который, тем более, был яркой характеристикой римского мира [1]. По их мнению, *людей, изображающих смешные, особенно же достойные осмеяния происшествия, следует изгнать из нашего государства* (Clem. Alex. Paed., II, 5, 45, 1). Христианская этика не допускает насмешек над страдающими какими-либо недостатками или недугами, а если человек хочет выразить радость, то допустима легкая улыбка, о чем пишет Василий Великий: *Душевную радость изъяснить светлою улыбкою не противно приличию... Но смеяться громко... свойственно человеку необузданному, не умеющему владеть собой...* (9, 116)¹³. Смех опасен, по мнению христианских авторов, он быстро становится безудержным, громким, он расслабляет душу, ведет к чувству превосходства и тщеславию, может привести к нарушению этических норм, может разрушить узы дружбы и брака и даже привести в итоге к нарушению законов, поэтому Отцы Церкви стараются

¹² Дмитрий Суханов написал прекрасные стихи на этот сюжет – «Шутка императора». URL: <https://stihi.ru/2020/01/20/1981> (дата обращения: 02.03.2024).

¹³ Святитель Василий Великий. Творения. М., 2012.

предостеречь верующих, указывая, что *смех – путеводитель блуда, шутовство – избличение необузданного человека, смехотворство производит то, что мы впадаем в беспечность, смехотворство – повод к презрению* (Joh. Chrys., 45, 899).

Таким образом, идентичность римлян даже в контексте изучения психологических особенностей демонстрирует несколько важных факторов. Юмор римлян формировался в процессе становления государства в условиях смешения разных этносов, поэтому итальянский юмор будет отличаться от греческого значительной долей прямоты и грубости, что было характерно для римлян [6], заложено в их прагматическом и консервативном мышлении, агрессивности, которой способствовали постоянные войны, а также распространение в римском обществе стоического направления философии.

Именно через понимание категории смешного римляне воспринимали модели социального поведения, ценностные ориентиры [5; 7], смех позволял переживать стрессовые ситуации, справляться со своими страхами, в том числе и за счет унижения: слабого, чтобы почувствовать превосходство, или сильного (в том числе богов), чтобы ощутить себя не таким слабым, самоутвердиться.

По мере расширения Римского государства и превращения его в Империю в его состав вошли разные регионы на Западе и Востоке. Восточные провинции находились под сильным влиянием эллинизма, а юмор греков был более тонкий, наполненный иронией и самоиронией, в то время, как на Западе он был более язвительным, грубым, едким, подчас на грани оскорбления, способным затронуть чувства человека и нанести обиду, что было недопустимо для распространившегося в эпоху Империи христианства. Отцы Церкви видели в смехе таившееся зерно зла, способное поколебать спокойствие человека, затронуть его мысли и чувства, и, в то же время, предоставить самому насмешнику чувство превосходства, разрушающее душу.

В процессе развития Римского государства предметы и объекты для смеха римлян не менялись, но такие аспекты, как милитаризация общества, приводили к огрублению нравов, соответственно, распространению более грубого, солдатского юмора. В то же время политическая сатира в условиях стремления императоров к единоличной власти сменялась панегириками, сатирический жанр исчез под давлением цензуры, шутить дозволялось только облаченному в пурпур носителю верховной власти, а принятие христианства в качестве государственной религии способствовало выдвиганию на первый план иных ценностных ориентиров.

Библиографический список / References

1. Братухин А.Ю., Братухина Л.В. Юмор у ранних христианских авторов // Культурология. 2019. № 2. С. 7–16. [Bratukhin A. Yu., Bratukhina L.V. Humour among early Christian authors. *Kulturologiya*. 2019. No. 2. Pp. 7–16. (In Rus.)]
2. Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987. [Durov V.S. Zhanr satiry v rimskoy literature [The genre of satire in Roman literature]. Leningrad, 1987.]
3. Ершова Р.В., Шарапова Р.З. Представление о чувстве юмора в психологии // Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 3. С. 16–22. [Ershova R.V., Sharapova R.Z. Conceptions of sense of humor in psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2012. No. 3. Pp. 16–22. (In Rus.)]
4. Куликова Ю.В. Узурпатор и узурпация власти в представлении античной историографии // История государства и права. 2011. № 24. С. 2–4. [Kulikova Yu.V. The usurper and the usurpation of power in the representation of ancient historiography. *History of State and Law*. 2011. No. 24. Pp. 2–4. (In Rus.)]
5. Мусийчук М.В. Аксиологическая функция юмора // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 91–94. [Musiychuk M.V. The axiological function of humor. *Tomsk State University Journal*. 2007. No. 295. Pp. 91–94. (In Rus.)]
6. Николаева О. Лингвистические и культурно-исторические предпосылки этнонационального юмора // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 159–168. [Nikolaeva O. Linguistic and cultural-historical prerequisites of ethnonational humor. *Etnodiologi*. 2018. No. 1 (55). Pp. 159–168. (In Rus.)]
7. Попов Я. Этнические стереотипы в национальном юморе как выражение социальных страхов // Вестник Московской международной академии. 2014. № 2. С. 100–108. [Popov Yar. Ethnic stereotypes in national humor as an expression of social fears. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2014. No. 2. Pp. 100–108. (In Rus.)]
8. Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. [Problemy antichnoy kultury [Problems of Ancient culture]. Tbilisi, 1975.]
9. Римская сатира. Гораций, Персий, Сенека, Петроний, Ювенал, Сульпиция, Аноним / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1957. [Rimskaya satira. Goratsiy, Persiy, Seneka, Petroniy, Yuvenal, Sulpitsiya, Anonim [Roman satire. Horace, Persius, Seneca, Petronius, Juvenal, Sulpice, Anonymous]. M.L. Gasparov (ed.). Moscow, 1957.]
10. Щеголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима: I в. до н. э. – I в. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. [Shchegolev A.V. Zakon ob oskorblenii velichiya v politicheskoy istorii Rima: I v. do n. e. – I v. n. e. [The law on insulting greatness in the political history of Rome: I century BC – I century AD]. PhD dis. Moscow, 2000.]

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yuv.kulikova@mpgu.su